

Кучерявкина черпает в обращении к поэзии Пушкина. Потому и городок называет он – «Святые горы».

Литература

Веселова А.Ю. В темнице тела. Об одной загадке XVIII века // Литературный текст: проблемы и методы исследования. 8. Мотив вина в литературе. Тверь : ТвГУ, 2001. URL: http://www.telenir.net/literaturovedenie/literaturnyi_tekst_problemy_i_metody_issledovaniya_8_motiv_vina_v_literature_sbornik_nauchnyh_trudov/index.php (дата обращения: 12.09.2016).

Кучерявкин В. Избранное. М. : Новое литературное обозрение, 2002.

Кучерявкин В. Треножник: Стихи, проза. СПб. : «Борей-Арт», 2001.

Скидан А. Сумма поэтики. М. : Новое литературное обозрение, 2013.

Строганов М.В. Строганов. Об употреблении вина: Пушкин и другие // Литературный текст: проблемы и методы исследования. 8. Мотив вина в литературе. Тверь : ТвГУ, 2001. URL:

http://www.telenir.net/literaturovedenie/literaturnyi_tekst_problemy_i_metody_issledovaniya_8_motiv_vina_v_literature_sbornik_nauchnyh_trudov/index.php (дата обращения: 12.09.2016).

Пушкин А. Сборник стихов. М. : ТомСувенир, 2009.

Шифрин Б. Обнаружить нечто простое // Кучерявкин В. Избранное. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 5 – 19.

УДК 821.111-31(Дрэббл М.)
ББК Ш33(4Вел)63-8,44

П.А. Зелькина

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОКИ ОБРАЗА «ЗОЛОТОГО ИЕРУСАЛИМА» В РОМАНЕ М. ДРЭБЛА

Аннотация. В статье рассматриваются литературные истоки образа золотого Иерусалима в романе М. Дрэбл. Автор статьи

обращается к средневековой английской литературе, к поэзии периода романтизма, а также к роману «Джуд Незаметный» Т. Гарди, писателя XIX века. В романах Т. Гарди и «Мой золотой Иерусалим» М. Дрэбл образ «золотого Иерусалима» воплощается в «земных» городах, развенчивающих образ города-мечты. Образ «Золотого Иерусалима» позволяет Дрэбл раскрыть ценностные установки своей героини.

Ключевые слова: литературные образы, английская литература, английские писатели, литературное творчество.

Роман «Мой золотой Иерусалим» («JerusalemtheGolden», 1967) английской писательницы М. Дрэбл на уровне названия имеет сходство с популярной песней «Золотой Иерусалим», написанной в том же 1967 году израильской исполнительницей Наоми Шемер в честь объединения иерусалимских земель. Но и в английской поэзии были свои прецеденты обращения к Земле обетованной. Уже в Средние века образ Иерусалима был связан с образами Святой Земли и крестовыми походами рыцарей ради ее освобождения. С «открытием» европейцами Ближнего Востока Иерусалим стал местом паломничества христиан и предметом интереса римской католической церкви. Город оказался втянут в завоевательную кампанию, воплощенную в «священной войне за освобождение христианских святынь от неверных» [Носенко 2010: 157].

В статье «"Я видел вечность в час ночной": небеса и рай в английской литературе» Е.И. Волкова связывает появление образа Небесного Иерусалима с практикой визионерства [Волкова: URL], желанием авторов выстроить свой образ «грядущего» в соответствии с христианским канонem. Так в средневековой поэме «Жемчужина» (XIV в.) герой, скорбя об умершей дочери, видит сон, в котором он оказывается в «земле наилучшей», в «неведомом пределе чудесном» [Жемчужина: URL]. В появившейся деве с венцом из жемчуга, облаченной в белое, герой узнает свою дочь. Беседа между персонажами раскрывает положение каждого: отец не имеет смирения перед утратой дочери, а она, смиряясь и отдаваясь божьему предопределению, оказывается в «Божьем доме», Небесном Иерусалиме [Там же]. Для автора поэмы важно подчеркнуть разницу между небесным и земным обликом города. Небесный

Иерусалим отражает идею о преображенном человечестве. Земной Иерусалим – это град «старый», «Мир зримый», в котором живут люди, не готовые к отречению и духовному очищению [Там же]. Отец желает попасть в пределы «Божьего дома», но дева непреклонна: в герое нет смирения, а «в гневе толку вовсе нет». Под влиянием беседы с любимой дочерью отец ощущает свою готовность к преображению: «За милость Божию плати смиреньем радостным» [Там же]. Таким образом, как указывает Е.И. Волкова, средневековая поэма «Жемчужина» вводит мотив паломничества, который впоследствии будет развит Дж. Беньяном в аллегории «Путешествие пилигрима» («Путь паломника») (1678 – 1688). А противопоставление земного и небесного Иерусалима сохранится в литературе вплоть до современности.

В аллегории XVII в. мы видим историю превращения человека в Христианина. Главным героем становится человек, в руках которого оказалась Библия. Его поражает отрывок, в котором угадывается Откровение ап. Иоанна Богослова. Узнав о будущем всего мира, он стремится покинуть город Гибели и найти Небесный град, в котором можно найти приют. В сознании героя, уже получившего имя Христианина, Небесный град воплощает физическое благополучие: спасение от гибели и место, в котором «много добра и хватит его на всех с избытком» [Беньян: URL]. Но долгий путь через препятствия, а затем долгожданное освобождение от ноши-греха у могилы Иисуса Христа открывают Христианину истинный смысл его путешествия. Теперь он спешит в Небесный град для того, чтобы «увидеть своего Спасителя» и достичь «вечной обители» [Там же]. Повествователь завершает историю Христианина счастливым концом: он достигает пределов сияющего божьего града. Другой персонаж, Невежда, не достигает их: «<...> в ад ведет дорога не только из города Гибели. В ад можно попасть, уже будучи у врат в Небесный Град» [Там же]. Судьбы Христианина и Невежды отражают непоколебимый «идеологизированный тип религиозного сознания» Беньяна [Волкова: URL].

В поэзии периода романтизма образ Иерусалима наполняется социальным и гражданским содержанием. Так в стихотворении «На этот горный склон крутой...» (1804) поэта и художника У. Блейка «Град Небесный» противопоставлен английскому «Граду Земному», как небеса – аду» [Волкова: URL]: «И был ли здесь Ерусалим // Меж тёмных фабрик сатаны?» [Блейк 1982: 491]. В произведении лирический герой обращает призыв к согражданам: «Мы возведём Ерусалим // В зелёной Англии родной» [Там же: 491]. Он не просто верит в эту идею, герой готов ее осуществить радикальным путем – путем «меча» и «стрел», что отражает интерес Блейка к политической ситуации в Англии начала XIX века.

Определенные параллели можно найти и в прозе конца этого века, а именно в творчестве Томаса Гарди (1840-1928). Влияние индустриализации на патриархальный сельский мир становится основной темой, которую разрабатывает писатель в романном творчестве. Эта тема находит свое воплощение на уровне пространственно-временной организации. Романы Гарди объединены общим хронотопом – это край Уэссекс в провинциальной Англии 1830–1880-х годов, который так определен исследователем английской литературы М.В. Урновым: «Уэссекс – небольшая замкнутая территория, и вместе с тем это целый мир, причудливый на взгляд современного человека, однако вполне реальный – со своей шкалой жизненных интересов, забот и психологических проблем, казалось бы, отживших свой век и все же полных глубокого смысла» [Урнов: URL]. Современный человек из провинции, по мнению Гарди, включен в динамично развивающиеся отношения между сельским обществом и городом. Развитие этих отношений непременно оборачивается для героя конфликтом «характера и среды», обособленностью, одиночеством, в том числе и религиозным сомнением. С особой заостренностью и напряжением данный конфликт реализуется Гарди в романе «Джуд Незаметный» (1895). Это произведение становится заключительным не только в развитии конфликта и проблематики, выявленными писателем, но и завершает все романное творчество Гарди.

В центре романа – Джуд Фаули, история которого охватывает не одно десятилетие. В первых главах это мальчик одиннадцати лет, внук булочницы из уэссекской деревушки Мэригрин, не пригодный для обычных сельских работ в силу своей физической и духовной «хрупкости». Джуд в противовес жизненным обстоятельствам, которые должны были сформировать в нем крепкого и выносливого работника, вырос впечатлительным и чувствительным мальчиком: он тонко ощущал явления окружающей его жизни и испытывал сочувствие ко всему живому. Но Джуд стремится стать тем трудолюбивым человеком, который спокойно живет и работает, радуясь собственному незамысловатому счастью: хорошей погоде, плодородной земле, здоровому скоту, небольшому уютному дому и благополучной семье. Однако наблюдательный мальчик был вынужден познать несправедливость и трагичность жизни, что открывает в Джуде нетипичные черты уэссекского жителя. Его сознание устремлено не в себя, а в мир, в который по мере развития фабулы все с возрастающим желанием герой хочет внести и свою скромную лепту. Для этого, по мысли Джуда, необходимо сделать выбор, перед которым оказываются «тысячи людей в наши беспокойные времена»: «оставаться ли им бездумно на том пути, куда определила их жизнь, не считаясь с их склонностями и влечениями, или изменить свою жизнь соответственно своему призванию» [Гарди 1973: 309].

Так, в первой главе романа Джуд с тревогой провожает своего единственного друга, учителя Филотсона, в неизвестный город Крестминстер. Филотсон желает окончить там университет и получить духовный сан. С отъездом учителя все мысли Джуда были заняты этим странным городом, который отнял у него единственного друга. Непременное желание увидеть этот город хоть издали заставило в первый раз пугливую мальчика далеко отойти от дома.

Гарди продолжает традицию в обращении к новозаветному образу «божьего града». Соотнеся свои ощущения и свой небольшой жизненный опыт, почерпнутый только из книг, Джуд говорит о том, что Крестминстер похож на «небесный Иерусалим»: огни современного города герою

напоминают «топазы», драгоценные камни, украшающие стены Небесного Иерусалима, описанного в Откровении Иоанна Богослова [Гарди 1973: 20, 21]. Анализируя эту сцену, можно сказать, что восклицание мальчика и его восторг не были поняты остальными героями – случайно встреченными на дороге кровельщиками. Так в вечернем, освещенном огнями городе для Джуда открылось его предназначение, «свет» истины, не увиденный другими. Для мальчика город обладал какой-то особой загадочностью и привлекательностью: «Это, несомненно, был Кристминстер – либо реальный, либо мираж, созданный особенностями атмосферы» [Там же: 21].

Появление уже на первых страницах романа образа Небесного Иерусалима становится важным для понимания образа Джуда. Сравнение города с библейским образом демонстрирует в мальчике явную склонность к религии, художественность образов, особый склад ума, отличающий его от трудяг уэссекского края. В представлении тем не менее не сведушего, неискушенного жизненными препятствиями мальчика Кристминстер стал средоточием огромного знания, которое может привести Джуда к лучшей жизни. Всезнающий автор, говоря о «чудесном», «заманчивом» городе, предлагает читателю понять его роль в жизни бедного мальчика: «Город этот стал для него реальностью, достоверностью, занял особое место в его жизни, главным образом по той единственной причине, что там жил человек, перед знаниями и устремлениями которого он так благоговел, — мало того, жил там среди людей, еще более образованных, знающих и духовно одаренных» [Гарди 1973: 22]. Так, Джуд намеревается пойти по стопам своего учителя и получить духовный сан. Для этих целей он самостоятельно старается освоить латинский язык и изучить на нем философско-религиозные труды. Но если для Джудамальчика Кристминстер обозначал место, где можно было получить столько знаний, сколько требовал его ненасытный детский ум, то для Джуда в возрасте двадцати лет город становится ключом для достижения честолюбивых планов, в которых молодой человек рисовал себя «в самых смелых своих мечтах епископом» [Там же: 122].

Как и учитель Филотсон, Джуд не достиг «пределов» Кристминстера. Обстоятельства биологические и социальные – любовь к кухне Сью, молва о предначертанном несчастье его роду, постоянная нужда в деньгах, одиночество героя, его наивность, неподготовленность к жизни – не позволяют герою возвыситься над своей средой. В своей статье «Викторианский роман и Уэссекские романы Т. Гарди: поэтика финала» Ф.А. Абилова приводит слова самого писателя о финале романа: «По словам Т. Гарди, в его основе лежит конфликт “между идеальной жизнью, которую человек желает вести, и убогой реальностью, на которую он обречен”» [Абилова 2014: 78]. Джуда ожидает столкновение с «противостоящей [ему – П.З.] социальной структурой» [Там же: 76]. В стремлении героя стать духовным лицом прослеживается автобиографический элемент: в юности Гарди долго готовился, чтобы закончить Кэмбридж и стать священником. Однако писатель испытал мировоззренческие сомнения, свойственные периоду рубежа веков, в соответствии с которым человек вновь стал искать опору только в себе самом. В связи с этим герои Гарди отвергнуты не только обществом, но и Провидением [Зарубежная литература... 2003: 250 – 251].

Символичным в романе становится макет «земного» Иерусалима, который Джуд и Сью изучают во время посещения городского музея. Герой не сомневается в достоверности модели, что отражает его религиозность и увлеченность Кристминстером, его «Небесным Иерусалимом»; девушку, утратившую веру, город только раздражает, поскольку в его существование она не верит. Стоит ли говорить о том, как затем изменятся взгляды героев не только на религию, но и на отношение к жизни в целом. Кристминстер разрушает судьбы героев, и от его «блаженства» и «небесности» остается только «золотое» воплощение – искусственный и равнодушный свет огней.

В романе «Мой золотой Иерусалим» (1967) М. Дрэббл в центре внимания женский персонаж, Клара Моэм. Здесь автора интересует становление личности в ее взаимоотношениях с установленными традициями и ценностями. Общественная

обстановка второй половины XX века вносит свои изменения в понимание образа жизни английской женщины. С одной стороны, в жизни англичан намечаются сдвиги к западному образу жизни: после Второй мировой войны возникает желание безмятежной свободной жизни, полной развлечений, безответственности перед обществом, совершившим ужасные ошибки. Такая жизнь не обременена нормами общественной морали. С другой стороны, в английском обществе все еще царит викторианская мораль, которая подавляет волю и желания людей новой «эпохи». Родители нового поколения, люди 1920-х годов, не готовы помочь своим детям. Они сформированы под влиянием более строгой морали, недостатки которой, возможно, понимало и само старшее поколение. На этом противоречивом фоне М. Дрэбл показывает жизнь своих современниц, молодых интеллектуалок 1960-х годов.

Клара хотела утвердиться в жизни, достичь того, что ей было недоступно в родном провинциальном городке. Клара разделяет устремления своего литературного предшественника, которому «страстно захотелось найти какую-то опору в жизни, чтобы обрести наконец то, что зовется прекрасным» [Гарди 1973: 25]. Для молодого человека «прекрасное» – это обладание знанием, духовностью, к которым сложно приблизиться, будучи внуком булочницы. Кристминстер для него – символ познания.

Героев разделяет целый век, а потому разрушительное влияние капитализма, отмеченное Гарди, в XX веке все более смещается от уклада жизни к мировоззрению человека и его нравственным ориентирам. Клара живет в то время, когда общество все меньше имеет связь с собственной традицией и ценности повсеместно становятся материальными. Оказываясь в Лондоне, героиня обращает внимание на внешние атрибуты хорошей жизни, попадает под влияние обеспеченной семьи Денэмом. Дрэбл изображает успешных и состоявшихся людей, обладающих талантом, действительно богатым внутренним миром. Однако их мир – это мир избранных людей, в полной мере отражающийся в изображении дома Денэмов, располагающегося на одной из роскошных лондонских улиц. Обилие дорогих вещей, на языковом уровне связанных с

семантикой «золотого», «сияющего», «блистательного», восхищает героиню. В этом она напоминает Джуда, когда тот любовался огнями Кристминстера. Клара и Джуд ослеплены миром «золотого Иерусалима».

Тема ослепления и обратного ему прозрения проходит через весь роман «Мой золотой Иерусалим», находит отклик во фрагменте романа, где рассказывается детская басня под названием «Золотые окошки», которая снова перекликается с образом «золотого» Иерусалима. Ее оценка дана нам в восприятии Клары. Она понимает, что «красоту нужно видеть в том, что имеешь, а не искать неизвестно где». Девочкой, она заучила этот «общеизвестный вывод», но сама ему не следовала [Дрэббл 2008: 49]. Она, как и мальчик из басни, и герой романа Гарди, была ослеплена сияющими образами, что отдаляло прозрение.

В связи с образом «золотого Иерусалима» в романах Гарди и Дрэббл можно выявить круг проблем, сближающих данных авторов: это проблемы естественности и рассудочности, разума и чувства, судьбы и предопределенности, способностей и обстоятельств.

Так, первая проблема заложена в антитезе героинь Дрэббл, Клелии Денэм и Клары Моэм. Клелия, подруга главной героини, далека от естественности героев Гарди, но ее поступки не продиктованы какой-либо необходимостью, они соответствуют ее природе. В то же время Клара, с детства «запрограммированная» на соблюдение викторианских норм жизни, часто поступает с оглядкой на другого. Героиня – довольно неуверенный в себе человек, но при этом достаточно умный, чтобы уметь разобраться в сиюминутной ситуации. Анализируя и запоминая явления действительности, Клара, незаметно для самой себя, создает собственный набор поведенческих моделей. Это проявляется в таких деталях повествования, как признание Клары в том, что она покупает одежду и делает прически, как у Клелии, поскольку они оригинальны; готовность влюбиться в Габриэля, после того, как героиня увидела его фотографию в альбоме и посчитала его лучшим избранником; поведение Клары во время последней поездки в Париж. Проблему разума и чувства вполне уместно

рассмотреть именно на примере отношений Габриэля и Клары. В основе их романа лежит страсть, которая по мере того, как герои узнают друг друга ближе, теряет свою значимость. Перед героями предстают истинные цели другого: Клара использует расположение Габриэля и начинает жить в соответствии с теми представлениями, которые не признавались в Нортэме; Габриэль мог уйти от семейных проблем, постоянно делающих его несчастным. И Клара, и Габриэль признаются сами себе и друг другу в том, что этот роман возник по особому расчету. Однако, желая вырваться из любых оков, они считают комфортными такие взаимоотношения. Если в романе Гарди пара Джуда и Сью не смогла выстоять против общественного мнения, то герои-современники Дрэбл были свидетелями уже возникновения новых общественных представлений, допускающих разные «эксперименты» по обладанию свободой, вплоть до вседозволенности.

Проблема судьбы и предопределенности в связи с образом Клары тесно переплетается с проблемой способностей и возможностей. В Кларе сочетается привитый ей с детства пуританский образ мышления, когда человек должен делать не для себя, подавляя свою индивидуальность, а для общества. Борясь с миром Нортэма в отступничестве от него, героиня таким образом желала заявить о своих способностях. Ее предположения о собственных возможностях стали возникать тогда, когда она начала получать знаки судьбы: осознание значения своего имени, успехи в учебе, привлекательную внешность, некоторое признание и, наконец, знакомство с Денэмами. В отличие от Джуда «Незаметного», бедняка из английской провинции, Кларе достаются все прелести судьбы, казалось бы, заслуженно, в счет серой и холодной жизни в Нортэме.

В современном представлении город-мечта, идеальное пространство – это всегда город в его земной ипостаси. Лондон и Париж – земные воплощения «Иерусалима золотого», который, в свою очередь, символизирует мечту Клары о достижении успеха, признания ее талантов и способностей, об обществе, достойном ее [Благовещенская 2004: 88]. Лондон – культурная столица, где живут творческие, неординарные люди,

такие как семья Денэмов. Их общество с полным правом можно назвать миром элиты и богемы. Однако, несмотря на уверенность в себе, материальный достаток, герои не находят душевную гармонию. Единственный обратный тому пример – Клелия, которая вызывает восхищение у всех героев. Она выражает устремления Клары: освещенная блеском столицы, окруженная близкими людьми и обладающая внутренней гармонией. Но тем не менее при внешнем хладнокровии Клелия захвачена любовными чувствами, выхода которым не находит.

Клара поняла, что ощущение свободы в обстановке, поведении, мыслях несколько не освобождают ее от нерушимой связи с матерью и Нортэмом. Ободряет ее только желание жить, упорствовать, пользоваться благосклонностью фортуны. Устремления героини отвечают характеристике, данной ей Габриэлем: «страстная, сильная натура, увлекающаяся и влекущая, изумительно, благодатно нерастраченная» [Дрэбл 2008: 199]. Но тем не менее она, как и Джуд, не достигает пределов «золотого Иерусалима», пусть и в отношении обстоятельств она более «достойна». Несмотря на «утраченные иллюзии», героиня примиряется с собственной внутренней двойственностью, обретает путь к своему земному блаженству.

Финал обоих романов остается открытым. В романе Гарди это обусловлено тем, что проблемы, поставленные автором перед его действительностью, остаются неразрешимыми. В романе Дрэбл финал не завершен по причине того, что, с одной стороны, поведение героини вызывает вопросы и размышление читателя по окончании чтения, с другой стороны, ее жизненный путь еще не окончен, соответственно, на вопросы, поставленные писательницей, также еще не найдены все ответы.

В эссе «“Джейн Эйр” и “Грозовой перевал”» (1916) английская писательница В. Вульф пишет так: «“Джуда Незаметного” нечитаешь на одном дыхании от начала и до конца; над ним задумываешься, отвлекаешься от текста и уплываешь караваном красочных фантазий, вопросов и предположений, о которых сами персонажи, быть может, и не помышляют» [Вульф 1990: 360]. Здесь хотелось бы сказать, что скорее всего герои как раз обо всем задумываются, и потому,

роман не получает своего «гармонизирующего» окончания. Может быть, это относится и к последовательнице Гарди, Маргарет Дрэббл.

Томас Гарди был свидетелем перехода общества из одного века в другой. Этот переход отразил общественные изменения, которые впоследствии обусловят новые перемены, с которыми уже столкнется общество писательницы Маргарет Дрэббл. «Вечный» образ «золотого Иерусалима» помогает писателям в раскрытии ценностных установок своих персонажей и выявлении проблематики художественного произведения: и Джуд, и Клара, попадая в мир «золотого Иерусалима», проходя этапы восхищения и разочарования, определяют свою роль в мире в соответствии с авторской концепцией взаимоотношения человека и среды в данный исторический период.

Литература

Абилова Ф.А. Викторианский роман и Уэссекские романы Т. Гарди: поэтика финала // Вестник Перм. ун-та. Сер. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 1. С. 72 – 80.

Беньян Дж. Путешествие пилигрима / пер. Ю. Засецкой. URL: <http://lib.ru/INOOLD/BENXQN/pilgrim.txt> (дата обращения: 8.11.2016).

Благовещенская А.А. Своеобразие стиля художественной прозы Маргарет Дрэббл 1960-70-х годов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. Казань, 2004.

Блейк У. На этот горный склон крутой... (Из поэмы «Мильтон») / пер. С.Я. Маршака // Блейк У. Избранные стихи / сост. А.М. Зверев. М. : Прогресс, 1982.

Волкова Е.И. «Я видел вечность в час ночной»: небеса и рай в английской литературе. URL: <http://www.libros.am/book/read/id/277211/slug/ya-videl-vechnost-v-chas-nochnojj-nebesa-i-rajj-v-anglijskojj-literature> (дата обращения: 8.11.2016).

Вульф В. «Джейн Эйр» и «Грозовой перевал» / пер. И. Бернштейн // Бронте Э. Грозовой перевал. М. : Худож. литература, 1990. С. 358 – 363.

Гарди Т. Джуд Незаметный Н. Маркович, Н. Шерешевской. М. : Худож. литература, 1973.

Дрэбл М. Мой золотой Иерусалим / пер. Н. Муриной, Н. Лебедевой. СПб. : Изд. Дом «Азбука-классика», 2008.

Жемчужина / пер. В. Тихомирова. URL: <http://tihomirvg.narod.ru> (дата обращения: 8.11.2016).

Зарубежная литература конца XIX века – начала XX века: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. В.М. Толмачёва. М. : Изд. центр «Академия», 2003.

Носенко Т.В. Иерусалим. Три религии – три мира. М. : Ридерз-Дайджест, 2010.

Урнов М.В. Томас Гарди (Век нынешний и век минувший). Часть 3. // Урнов М.В. Вехи традиции в английской литературе. М. : Худож. литература, 1986. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/urnov-tomas-gardi/chast-3.htm> (дата обращения: 10.11.2016).

УДК 821.161.1-31(Брукнер А.)
ББК Ш33(4Вел)63-8,44

Д.С. Тыщук

*(Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко,
Луганск, Луганская Народная Республика)*

МЕТАФОРА В РОМАНЕ АНИТЫ БРУКНЕР «ОТЕЛЬ “У ОЗЕРА”»

Аннотация. В статье идет речь об особенностях функционирования метафоры как концептуального тропа в романе А. Брукнер «Отель “У Озера”». Метафора в романе имеет эмоциональную нагрузку, выполняет важную роль в читательском понимании образа главной героини Эдит Хоуп. Троп раскрывает особенности творческого метода А. Брукнер: язык произведения отмечен ироничностью, метким выбором слов, интеллектуализмом. Метафора предстает не только средством проникновения читателя в текст романа, но и стимулирует его мыслительные процессы, способность к рефлексии очерченных в художественной канве идей и проблем.

Ключевые слова: метафора, метафорическое моделирование, английская литература, английские писатели, суггестивность, концептуальные тропы.